

Вера Чубова
г. Харьков, Украина

ПЕРВИЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА «ПУТЬ» В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ В ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В современном русском языке первичное значение лексемы *путь* – это «полоса земли, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога» [Кузнецов 2004, 657; СРЯ 1972, 565]. При анализе значений слова *путь*, даже в пределах литературной лексики, обнаруживается довольно внушительная полисемантическая цепь, в которой имеет место ряд различных метафорических значений: 1. Направление деятельности, развитие кого-либо. *Избрать путь художника*; 2. Средство, способ достижения чего-либо. *Осуществить мирным путём*; 3. Жизнь человека. *Жизненный путь*; 4. Смерть. *Проводить в последний путь*; 5. Доступ к чему-либо – во фразеологизме *заказывать путь*; 6. Жизненный выбор. *Идти по ложному пути. Наставлять на путь истинный*; 7. Цель, стремление. В выражении *не по пути* – о разных стремлениях, целях; 7. В СРЯ с пометкой *разг., устар.* Польза, прок, толк. *Кажется, не глуп; Может, будет путь.* Герцен. Кто виноват [СРЯ, там же]; 8. Вселенная, название галактики. *Млечный путь* [Кузнецов, там же; СРЯ, там же]; 9. Во фразеологизмах, ставших медицинскими терминами и обозначающих систему органов: *родовые пути; дыхательные пути.* Обращение к диалектной лексике выявляет ещё более широкий спектр метафорических значений: 1. Причина. *Что ты без путя оскалываешься?* [СРНГ 1999, 33, 159]; 2. Моральные качества человека. В производных от *путь*: *путный* [Даль 2003, III, 543], *путный* [СРНГ 1999, 33, 154], *путящий* [Даль, там же] – честный, порядочный, высоконравственный; *беспутный* – непорядочный, безнравственный; 3. Способность мыслить. *Взять в путь* – подумать; 4. Ум, талант *путный* [СРНГ, там же], *путявый* [СРСГ ср. части бассейна р. Оби 1967, III, 94] – толковый, умный, дельный [СРНГ, там же]; время. В выражении *всю дорогу* [Даль 2003, I, 473]. Причём, в быту и речи носителей диалектов именно метафорические значения слова *путь* намного чаще употребительны и играют большую роль, чем в литературном языке. Значения *толк, прок, выгода* в прилагательных (*путный* [Даль III, 543], *путный* [СРНГ, там же], *путявый*, [СРСГ ср. части бассейна р. Оби 1967, III, 94] *путящий* [СРДГ 1975, 3], *путячный* [СРСГ ср. части бассейна р. Оби, там же], *путящий* [Даль, там же]) – ‘хороший, дельный, полезный’ и наречиях (*путно* – ‘правильно’ [СРСГ средней части бассейна р. Оби 1967, III, 94; Даль 2003, III, 543;], *путём* – ‘разумно, толком’ [Даль, там же]; *путью* – ‘дельно, толком’ [СРНГ 1999, 33, 159]; *беспутне* – ‘бессмысленно’ [СРНГ 1999, 33, 158 – 159]) от *путь*, а также в выражениях *без пути* [Даль, там

же], *без путя* [СРНГ, там же] – ‘бессмысленно, попусту’ распространены во многих русских говорах. *Путь* и *дорога* в смысле *Галактика, Вселенная* представлены множеством фразеологизмов, неизвестных литературному языку: *батыева* [Даль 2003, I, 473; Дьяченко 2000, 523] /*ботеева/ ботева/ потеева дорога* [СРДГ 1975], *Батыев путь, дороги* [Даль 2003, I, 473], *пути* [Даль 2003, III, 543], *Иерусалимский путь* [Даль, там же] или *путь в Иерусалим* [Дьяченко 2003, 523], *птичий путь* [Даль 2003, III, 543], *птичья дорога* [Дьяченко 2000, 523], *дорога души* [Топоров 2004, 80]. Такие значения слова *путь*, как ‘жизнь человеческая’, ‘смерть’, ‘судьба’ широко распространены в русских говорах. Понимание *пути, дороги* как ухода души в мир иной, полное отождествление с запредельностью является основным в народной традиции. Потому *путь* в народном сознании обязательно таит в себе смертельную опасность, населён inferнальными сущностями [см.: Черепанова 2000; Щепанская 2003]. Исследование Е.Е. Левкиевской показало, что такие представления о *пути, дороге* являются общеславянскими и, следовательно, восходят к глубокой древности [см.: Левкиевская, 1999]. (О том, что сближение *пути* со смертью свойственно всем славянам, значительно раньше отмечает А.А. Потебня [см.: Потебня 1914, 22]). По утверждению В.Н. Топорова, именно таким предстаёт *путь* в архаичной индоевропейской картине мира [см.: Топоров 1992, 352; Топоров 2004, 84]. Известно, что диалектная лексика хранит в себе память ушедших эпох. Таким образом, имеет смысл обратиться к древнерусскому и сакральному старославянскому языку. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского обнаруживаем следующие значения слова *путь*: 1) жизненный выбор, его правильность. *Наставляйте их (братию) к путем спасенным*. Грамота митрополита Кипрского; 2) движение, время – во фразеологизме *путь имети*; 3) обычай, правило. *А митрополит правым путём ходит, да правым путём пребывает и тешитя*. Ярлык Узбекский, 1315; 4) обстоятельство места. *Буди со мною во всяком пути и не остави меня*; 5) повод, причина. *Приходиша Крымские Татарове... И пришед на великого князя Украину, около города Тулы, без пути начаша воевати*. Софийский временник, 7025 г. [Срезневский 1902, II, 1738]. Таким образом, понимание *пути* как моральности, правильности выбора имеет место ещё в древнерусской картине мира. Значения времени и причины сохранены в диалектной лексике (*всю дорогу* [Даль 2003, I] – всегда, постоянно). В «Старославянском словаре» Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой представлены следующие словосочетания со словом [*понть*], толкуемом, как *улица, дорога*: 1. *п[он]ть протваряти / створити* – расчищать/расчистить дорогу; давать / дать выход 2. *п[он]ть творити / п[он]темь иди / в п[он]ть ходити* – совершать путь, путешествовать; с пометкой перен. *На п[он]ть языком не идете* [Цейтлин, Вечерка, Благова 1994, 562]. На наш взгляд, в

данных выражениях проявляется древнее понимание обязательной сложности пути, который необходимо преодолевать, расчищать, избавляясь от неизбежных многочисленных препятствий. Его ещё и «творяют», то есть «создают», как нечто очень важное; «совершают», как подвиг или некий особый поступок. Есть и метафорические значения: выхода из какой-то трудной ситуации и (в последнем выражении), очевидно, значение *правильности (истинности / ложности) выбора* и, возможно, *толка, прока, выгоды*. Видимо, именно последние значения являются древнейшими. В «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко (одна из разновидностей церковнославянского языка является русской редакцией старославянского [см.: Хабургаев, 5]), помимо значений *истинности выбора, прока, толка*, находим также такие значения, как *подвиг* и *смерть, отход души в мир иной*. Приведено высказывание В. Мономаха *стояти на далечи пути* – “отправляться душе, по воззрению древних славян, в иную, далёкую область”; сопоставляется с поговоркой *душа на пути* – “человек умирает” и диалектным *удорожить* – “довести побоями до смерти” [см.: Дьяченко 2000, 526]. Напрашивается вывод, что в древнеславянской картине мира существительное *путь* имело сакральное значение, при этом имело тесную смысловую связь с иным измерением; возможно, в первую очередь означало именно *путь души из мира физического в запредельность*. По утверждению Хабургаева, старославянский язык получил меньше языковых изменений, чем другие славянские языки (в том числе, русский), а следовательно, во многом сходен с праславянским последних веков его существования [см.: Хабургаев, 9]. Чтобы определить первичное значение слова *путь* в праславянском языке, необходимо выяснить, как давно известно русскому языку слово *путь*, из каких культур и времён оно пришло, в каких языках имеет родственные связи и, значит, с какими культурами соединяет нас. В этом поможет обращение к этимологическим словарям. А.Г. Преображенский даёт слову *путь* следующее толкование: «дорога, тропа; направление; езда, ход...» [Преображенский 1979, 2, 876]. И А.Г. Преображенский, и М.Фасмер в связывают русское слово *путь* с украинским *путь ж.*, белорусским *пуць м.*, старославянским *путь, Osos* (в данном случае, М. Фасмер ссылается на Супральскую рукопись и Остромирово Евангелие), болгарским *път*, сербохорватским *пут., род. п. пута*, словенским *pot. м.-ж.*, чешским *rouť ж.* словацким *put*, польским *rac, род. п. racia*, верхнелужицким *rus.*, нижнелужицким *rus*, полабским *pot* [Преображенский 1979, 2, 876; Фасмер, 2004, 3. 413]. Мы видим, что русская лексема *путь* имеет родственные связи во всех славянских языках, что уже свидетельствует о глубокой древности этого слова. Но оба этимолога также указывают на связь лексем *путь* с индоевропейскими (как живыми, так и мёртвыми) языками: санскритским *pa-ntha-s* ‘след, дорога’, древнеиндийским *panthas* м.

‘тропа, дорога, путь’, авестийским *panta* (*pantan-*, *pad-*), древнеперсидским *padi* ‘дорога’, древнепрусским *pintis* ‘путь, дорога’, осетинским *fandag*, *fandaeg* ‘путь’, прусским *pintis* ‘дорога’, латинским *pont* ‘мост, плотина через болото’, *pons* ‘мост, тропинка’, ведийским *pantham*; *pathya* ‘дорога’, греческим *pontos* ‘море’ (М. Фасмер также связывает с греческим *pantos* ‘тропа’), армянским *hun* ‘дорога’ (М. Фасмер толкует как *брод*); *potos* ‘след’, *πατεο* ‘ступаю’ [см.: Преображенский 1979, 2, 876; Фасмер 2004, 3, 413]. Сюда же М. Фасмер относит готское *finpan* ‘находить, узнавать’, новонемецкое *finden* ‘находить’, древневерхненемецкое *fandon*. ‘качать, испытывать’. Родственные связи русской лексемы *путь* с древнеиндийским *panthas* ‘след, дорога, путь’, осетинским *fandag* ‘путь’, латинским *pons* ‘мост, настилка, палуба’ прослеживает и Н.М. Шанский [см.: Шанский 1975, 374]. П.Я. Черных тоже указывает на связь с латинским *pons* ‘мост, мостки, гать’, древневерхненемецким *fandon* (современным немецким *fahnden*) ‘выслеживать, идти по следам’, армянским *hun* ‘брод’, древнеиндийским *panthan* ‘путь, дорога’, древнепрусским *pintis* ‘путь, дорога’, греческим *портоζ* ‘море’ [см.: Черных 2002, 2, 85]. Кроме того, П.Я. Черных фиксирует родственность русского *путь* с бенгальским *пот* ‘путь’, хинди *пат* ‘путь’ [см.: Черных, там же]. Г.П. Цыганенко также отмечает, что лексема *путь* «имеет соответствия в других индоевропейских языках» [Цыганенко 1989, 343], фиксирует следующие родственные слова: древнеиндийское *panthas* ‘след, дорога, путь’, греческое *potos* ‘след’, *pateo* ‘ступаю’, латинское *pons*, *pontis* ‘мост, сходни’, французское существительное *ponton* ‘понтон’, образованное, с точки зрения этимолога, от латинского *pons*; впоследствии, в XVIII в., существительное *понтон* ‘плавающий мост’ из французского языка проникло в русский язык [см.: Цыганенко, там же]. Родственные связи русской лексемы *путь* с многочисленными индоевропейскими языками, безусловно, указывают на ещё более древнее её происхождение. М.Н. Шанский характеризует существительное *путь* как слово ‘общеславянское, индоевропейского характера’ [Шанский 1975, 374]. С точки зрения Г.П. Цыганенко, *путь* является древнеславянским словом, современная форма данной лексемы развилась из праславянского **pQть*, которое происходит от индоевропейского **pontь* с изменением в конце слога **on* в носовой *Q*; основа представляет собой звуковую разновидность индоевропейского **penth* ‘идти, приходиться’ (чередование *e//o*) [см.: Цыганенко, там же]. Аналогичных взглядов на происхождение лексемы *путь* придерживается П.Я. Черных [см.: Черных 2002, 2, 85]. А.Г. Преображенский утверждает, что славянское *путь* происходит от индоевропейского **penth* ‘приходить, идти’ [Преображенский, 1979, 2, 876]. О.Н. Трубочёв полагает, что слово *путь* восходит к индоевропейскому **pont* – ‘преодоление, дорога, изобилующая опасностями’ [Фасмер 2004, 3 413]. Это совпадает со

сведениями, предоставленными В.Н. Топоровым в статьях «Путь» и «Пространство и текст» о том, что в мифологических представлениях древних ПУТЬ традиционно сопряжен с опасностями [Топоров 2004, 76; Топоров 1992, 352]. Уже из проведённого выше анализа метафорических значений явствует, что лексема *путь* обладает большой сакральной нагруженностью. Зафиксированная названными этимологами связь внутренней формы русского слова *путь* с греческим *портоc* море, латинским *pont* мост, плотина через болото, армянским *hup* брод, на наш взгляд, отображает древнее осмысление мифологического ПУТИ как преодоление границы между двумя мирами – земным и запредельным (в архаической модели мира эта граница представляла собой обычно море или реку. Так, в греческой мифологии Харон перевозил души усопших в царство мёртвых через реку). О том, что первичное значение слова *путь* в индоевропейской культуре изначально было ‘переход души в иное измерение’, пишет М.М. Маковский. Сопоставляя родственные лексемы в разных индоевропейских языках: алб. *Udha дорога, путь* и осет. *udd душа*; нем. *Sprung трона* и нем. *spigo дышать* (> «душа»); русск. *путь*, но англ. *Pant тяжело дышать* [см.: Маковский 2008, 274], учёный приходит к выводу, что в архаической картине мира значение *путь* отражает прохождение душой умершего пути в загробный мир [см.: Маковский, там же]. С точки зрения М.М. Маковского, в древнем мифологическом сознании одним из важнейших путей души являлся переход из телесной оболочки в «царство теней», так как этот переход отражает божественную мудрость и ведёт к благоденствию души на пути её вселенских странствий. В связи с этим сопоставляются русск. *трона* – нем. *sterben умирать* – литовск. *tarpti – благоденствовать*; древнесеверн. (древнеисл.) *doegja умирать* – нем. *ge-deihen благоденствовать*; русск. *коля* – прусск. *gallan смерть* – литовск. *galia сила*; нем. *Weg дорога* – хет. *ug смерть* – гот. *weihs святой* – нем. *Ge-weihs рога* (символ силы) [Маковский 2008, 274]. Само созвучие и родственность старославянского *п[он]ть* – праславянского **pŏtь* – индоевропейского *pont* – ‘путь, преодоление, дорога’ с греческим *ποντοc* – ‘море’ наводит на мысль о том, что первоначально *путь* > *pont* в индоевропейском сознании обозначало непосредственно ту водную границу между *тем* и *этим* светом, которую душе умершего необходимо преодолеть, чтобы достичь того мира, где она должна после расставания с физической оболочкой пребывать. Связь с древневерхне-немецким *fandon* карать, испытывать даёт основания предполагать, что, возможно, словом *путь* в древности обозначалось прохождение инициаций (например, превращение мальчика в мужчину, переход в какой-либо более высокий ранг – прошедший ПУТЬ, как уже было сказано в предыдущей главе, неизменно повышался в своём статусе), обязательными элементами которых являлись какие-либо тяжёлые испытания. Не исключено, что эти

инициации по своей структуре представляли собой имитацию мифологического ПУТИ со всеми сопутствующими ему трудностями, препятствиями и испытаниями. С точки зрения О.Е. Бабаевой, связь с латинским *pons* могла указывать на сакральный объект и субъекта сакрального действия. Именно эта сакральная нагруженность отличает лексему *путь* от профанного синонима *дорога*. А.Г. Преображенский считал, что русское *путь* по внутренней форме связано с санскритским *pantha-s* “след, дорога, путь”, *path*a* “дорога”, *pathias* “спасительный, выгодный” [см.: Преображенский 1979, 2, 876]. Это утверждение наталкивает на мысль, что, возможно, русское *путь* в метафорическом значении Вселенной, жизни, судьбы, моральности, нравственного выбора, а также прока, выгоды, обнаруживает глубинную связь с древнеиндийской культурой. Известно, что в Ригведе номинация *path-* передаёт главным образом представление об «истинном», праведном ПУТИ, который ведёт к богам и по которому следуют боги (точка зрения О.Э. Бабаевой 2006, 803). Теснее всего с *path-* связаны Адитьи – Боги, охраняющие вселенский закон; ср. эпитет богов *pathi kri создающий пути, делатель путей* [см.: Бабаева 2006, 803; Иванов 2009, 5, 222]. Вероятно, отождествление ПУТИ с Космосом или частью Вселенной в русской языковой картине мира идёт от этой внутренней формы (от родственности с санскритским *path-*). Не исключено, что именно от древнейших значений *путь Богов* и *путь к Богам* происходит такое значение лексемы *путь*, как ‘причина’, имевшее место в древнерусском языке и сохранённое в русских диалектах (Бог – причина всего; Боги – создатели Вселенной). Русское *путь* А.Г. Преображенский и М. Фасмер, кроме того, соотносят с зендским *panta* – спасительный, выгодный (на зендском языке, как известно, написаны священные тексты Авесты; эта связь может служить косвенным доказательством того, что такие метафорические значения лексемы *путь*, как *польза, прок, выгода, спасение*, пришли в современный русский язык и, следовательно, в современную русскую языковую картину мира из древней, мифологической модели мира) [см.: Преображенский, там же; Фасмер 2004, 3, 413].

Говоря о божественном предназначении *пути*, его связи с мирозданием, с космическими законами в мифологической модели мира, имеет смысл вновь обратиться к трудам М.М. Маковского, соотносящего значение *путь* со значением *звук* (символ творящего божества) в архаических представлениях, из чего напрашивается вывод, что в древности лексема *путь* имела божественное значение, возможно даже прямо отождествлялась со Вселенной: среднелатышск. *cels путь* – русск. *коля* – индоевр. **kel rufen*; ирл. *slige дорога* – греч. *λεγειν говорить*; греч. *οδοζ путь* – греч. *ωδη песня*; гот. *ga-leiran идти* – нем. *Lied песня*; польск. *tor путь* – литовск. *tarti говорить* [см.: Маковский 2008, 274]. В языковой картине мира восточных славян по-

нимание *пути-дороги* как смерти и понимание *пути-дороги* как Вселенной сливаются: украинский фразеологизм *Божа дорога* является народным названием нашей галактики [Грінченко, 627], но *бути на божій дорозі* означает ‘умирать’ [Гуцульські говірки 1997, 61], ‘быть при смерти’ [Грінченко, там же]; в словаре-справочнике украинского языка «Велика чи мала літе-ра?» даны два толкования выражения *божа дорога*: 1) Чумацкий Шлях; 2) Смерть [Жайворонок 2004, 18]. *Птичья дорога* [Дьяченко 2003, 523] или *птичий путь* [Даль 2003, III, 543] – название Вселенной, по утверждению Г. Дьяченко, пришедшее из литовского языка; объясняется тем, что души, воз-носящиеся по этой дороге, представлялись легкокрылыми птицами [Дьяченко 2000, 523]. В статье В.Н. Топорова «Пространство и текст» упоминается и такое обозначение Вселенной, как *дорога души*, которое говорит само за себя [Топоров 2004, 83]. *Иерусалимский путь* [Даль 2003, III, 543] или *путь в Иерусалим* [Дьяченко 2000, 523]. Иерусалим – священный город, который в народном сознании нередко отождествляется с Раем (то есть уже с миром иным), а путь в Рай для простого смертного человека (не божества или Божьего пророка) может быть совершён душой только после расставания с телом, то есть предполагает физическую смерть.

Таким образом, при глубоком анализе лексики и культурных традиций от современности до глубокой древности вырисовывается обширный круг представлений, совершенно уже не связанных между собой в жизни и сознании современного человека: *путь: смерть – Вселенная – жизнь, судьба – нравственный/жизненный выбор – время – подвиг – толк, прок, выгода – причина – обстоятельство – ум, талант*. Становится ясно, что архаическое мышление и мировоззрение в корне отлично от современного. Языковые данные, особенно с использованием достижений этимологии, позволяют восстановить тот круг представлений, которые связаны между собой в соответствии с логикой мифа [Голосовкер, 1]. Как полагал выдающийся учёный, профессор Харьковского университета в XIX в. А.А. Потебня, именно язык позволяет объективизировать эту связь между древнейшими представлениями [Потебня 2000, 330], то есть язык помогает нам приоткрыть особенности мышления наших далёких предков. Однако следует помнить о том, что эти древнейшие мифологические представления не исчезли абсолютно, они залегли в глубинные слои психики коллективного бессознательного, и в некоторых случаях определяют индивидуальное и коллективное решение. Поэтому обращение к языковым данным может помочь осознать особенности развития культуры восточнославянской цивилизации: почувствовать прочную основу, которая характерна для нашей культуры, нашего сознания и наших традиций.

Список литературы: 1. Бабаева Е.Э. Формирование семантической структуры слова *простой* в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. редактор Ю.Д. Апресян – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 798–805. 2. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. – www.Koob.ru. 3. Иванов Вяч. Вс. Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ин-т теории и истории мировой культуры. – М.: Знак, 2009. – 376 с. – (язык, семиотика, культура). 4. Левкиевская Е.Е. Дорога // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти томах под общей редакцией Н.И. Тостого. – Т. 2. – М.: Международные отношения, 1999. – С. 124–129. 5. Маковский М.М. Путь // Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов – Магадан, 2008. – 416 с. – С. 274. 6. Потехня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии-Харьков. – 1914. 7. Потехня А.А. О связи некоторых представлений в языке // Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 329–356. 8. Топоров В.Н. Пространство и текст // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – С. 352–353. 9. Топоров В.Н. Путь // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах / под ред. С.А. Токарева. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – Т. 2. – С. 352–353. 10. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. – М.: «Просвещение». – 1974. 11. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция русского Севера (доклады 111 научной конференции «Рябининские чтения 99»). Сборник научных докладов). – Петрозаводск, 2000 – С. 33–38. 12. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М.: Индрик, 2003. – 528 с. **СЛОВАРИ:** 1. Гуцульські говірки. Короткий словник. Відповідальний редактор Я. Закревська. – Львів, 1997. – 232 с. 2. Грінченко Б.Д. Словник української мови – Київ: Києвська старина – 1907 – 1909, Т. 3. 3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М.: Рус. яз. – Медиа. – 2003, Т. 1, Т. 3, Т. 4. 4. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: ООО Издательство «Отчий дом», 2002. 5. Жайворонок В.В. Велика чи мала літера? Словник-довідник. – Київ: «Наукова думка», 2004. 6. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: 1979, Т. 2. 7. Словарь русских донских говоров. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1975 – Т. 1–3. 8. Словарь русских народных говоров. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – вып. 33. 9. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби Под ред. В.В. Палагиной. – Томск: Издательство Томского университета, 1964 – 1967. – Т. 1–3. 10. Словарь русского языка. В 4-х томах / РАН, Ин-

ститут лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, Полиграфресурсы, 1972. – Т. 3. 11. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. 12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук – 1902, Т. 2. 13. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и Л. Пацнерова. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1999. 14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 3. 15. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – 2-е издание, перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. 16. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка – В 2 т.– М.: Русский язык, 2002. – Т. 2. 17. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1975.